

Дарья Оленина

**ЭЛЕМЕНТЫ СЕНТИМЕНТАЛИСТСКОЙ ЭСТЕТИКИ В
ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И
ЕГО ОБИТАТЕЛИ»**

Рассматриваются такие элементы сентименталистской эстетики в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», как бедность героини-девушки, особое отношение к французскому языку, придание особого значения чувству, жизни сердца, концепция чистоты ребенка, специфическая манера речи. Общее в произведениях писателей-сентименталистов и повести Ф. М. Достоевского объясняется христианством как источником философии сентиментализма и духовной позиции Ф. М. Достоевского.

Such elements of the sentimental aesthetics in the novel of F. M. Dostoevsky «The village of Stepanchikovo and its inhabitants» are analysed : heroine-girl's poverty, specific attitude to French language, formation of specific value to feeling and the life of the heart, the conception of the child's cleanliness, specific speech manner. The general in the works of sentimentalists writers and in the story of Dostoevsky is explained by the Christianity as a source of the philosophy of sentimentalism and the spiritual position of F. M. Dostoevsky.

Вопрос о причинах появления элементов сентименталистской эстетики в творчестве Ф. М. Достоевского не относится к числу исследованных в литературоведении.

Впервые связь творчества Ф. М. Достоевского с явлениями сентиментализма установил А. А. Григорьев [3]. Ф. М. Достоевский воспринимался им как представитель «натуральной школы». Однако впоследствии выяснилась несостоятельность данной точки зрения. Философия натуральной школы базировалась на социально-психологическом детерминизме, в то время как Федор Михайлович

отмечал: «Ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею» [7, 15].

На наличие элементов сентименталистской эстетики в творчестве Ф. М. Достоевского указывают также записи М. М. Бахтина: «Достоевский и сентиментализм. Опыт типологического анализа» [1, 354]. Как известно, планы ученого не были реализованы.

На протяжении долгого времени (с 20 – 30-х гг. XX в. и поныне) ученые связывали интерес Ф. М. Достоевского (и других писателей) к сентиментальным традициям с увлечением идеями утопического социализма. Об этом свидетельствуют научные труды В. В. Виноградова, Г. А. Гуковского, А. И. Белецкого, В. Л. Комаровича, Э. М. Жиликовой. Известно, что писатель отказался от этих философских идей, а связь с сентиментализмом все же проявилась и в позднем рассказе «Мальчик у Христа на елке».

Сентиментальная составляющая в творчестве Ф. М. Достоевского не исчерпывается его обращением к сентиментализму. На наш взгляд, писатель возвращает сентиментальной традиции глубинное содержание, охарактеризовать которое можно только при обращении к религиозному дискурсу.

Наследие Ф. М. Достоевского, являющееся уникальным явлением русской православной культуры, дает основание рассматривать его в русле православной традиции. Исследователи уже отмечали, что творчество этого писателя постигается в свете его исповедания веры [12, 6]. Примечательно, что даже атеист В. Г. Белинский заметил эту особенность в первом романе Ф. М. Достоевского, дав толкование книге в чисто духовном ключе [2, 129]. Актуальность и перспективность указанного выше подхода отмечал доктор филологических наук А. Б. Тарасов

(Москва) в статье «Духовная жизнь человека: современный опыт научного осмысления (религиозное литературоведение)». В рамках данного научного направления написано множество фундаментальных, конструктивных научных работ. Назовем некоторые из них: «Романы “пятикнижия” Ф. М. Достоевского и Откровения святого Иоанна Богослова» Г. Л. Черюкиной, «“Маленький человек” в творчестве русских писателей 1840-х годов в свете христианской традиции» Е. М. Сокол, «Религиозно-философские основания позднего творчества Ф. М. Достоевского» О. В. Пичугиной, «Феномен возвращения к православности и категория страдания в русской классической литературе» А. А. Безрукова, «Христианская нравственность как альтернатива нигилизму в романе “Бесы” Ф. М. Достоевского» Л. П. Гогиной, «Феномен преображения в русской словесности XVI – XX веков» Е. А. Гаричевой, «Воплощение “идеального” в русской литературе конца XVIII – начала XX века и традиции восточнославянской словесности» Д. Л. Башкирова. В русле религиозного литературоведения также написан учебник по русской литературе XIX века Ю. В. Лебедева. Обратим внимание: не одна работа включает в название слово «феномен», относящееся к религиозному православному дискурсу. Это связано с «православностью» русской литературы, ее глубокой религиозностью. Доктор филологических наук Ю. В. Лебедев выделяет такие фундаментальные черты русской классической литературы, как *служение, вера в преобразующую силу слова, жгучая христианская совестливость* [10; 2, 3].

По нашему мнению, сентиментализм как система взглядов и творческая позиция Ф. М. Достоевского восходят к христианству, во многом к исихазму. Это является причиной наличия подобных элементов

в творчестве писателей-сентименталистов и произведениях Ф. М. Достоевского. Нельзя считать, что Ф. М. Достоевский является преемником сентименталистов. Г. А. Гуковский отмечал, что писатели-сентименталисты эмоциональную жизнь человека, его «страсти» ценили больше, чем рациональную структуру морали [4, 431]. Безусловно, о Ф. М. Достоевском этого сказать нельзя: он, как никто другой, понимал необходимость духовных рамок, которые сдерживают роковое «все позволено». На наш взгляд, писатель не придерживался традиций сентиментализма, порой даже иронизировал по поводу его поэтики.

Подтвердим нашу точку зрения анализом повести «Село Степанчиково и его обитатели».

Она стала одним из первых произведений писателя, написанных после каторги, когда мировоззрение автора изменилось, усилилась его религиозная составляющая. Повесть не понравилась атеисту Н. А. Некрасову, а религиозный И. А. Гончаров, который был цензором, несколько не изменил текст. Мы считаем данные факты весьма показательными.

Героинями произведений сентиментализма часто становились **бедные девушки**: «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Пригожая повариха...» М. Д. Чулкова, Роза и Даша П. Ю. Львова. Настя Ежевикина в повести Ф. М. Достоевского тоже происходит из небогатой семьи. Таким образом, в произведениях сентименталистов и повести Федора Михайловича мы наблюдаем схожие художественные элементы. Установим причину их появления в первом и во втором случае. Карамзин и его последователи доказывали общественности, что «и крестьянки любить умеют». Отметим: они не внесли в этом смысле ничего нового, как часто считают исследователи. В духовном понимании, существующем

задолго до и много после Н. М. Карамзина, суть слова бедность лишь одна – скудость духа, безобразность, греховность. «К совершенству ведет человека или вредит ему *не внешнее, но внутреннее*, то есть или Дух благодати, или дух лукавства», – пишет прп. Макарий Египетский [8, 313] (здесь и далее курсив наш. – Д. О.). «Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мк. 8: 37). Для Ф. М. Достоевского это очевидно. Причина использования мотива бедности в повести Достоевского – опора на теорию почвенничества: общение Илюши и Сашеньки с «вышедшей из народа» Настей, ее брак с Егором Ильичом духовно обогащает Ростаневых. Иными словами, посыл сентименталистов – «посмотрите, что крестьянки *вообще-то* любить умеют», посыл Ф. М. Достоевского – посмотрите, *как* умеют любить девушки «из народа».

Н. М. Карамзин и другие сентименталисты превозносили **французский язык**, создавали разнообразные кальки. Уход от славяно-русской лексики, считающейся чем-то уродливым, ориентация на вкус европейских дам не могли быть приняты Ф. М. Достоевским. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» писатель обличает пристрастия сентименталистов. Так, Фома Опискин заставляет мужиков (по теории почвенничества, важнейших представителей исконно русской духовности) учить французский язык. Конечно же, это не увенчалось успехом. Мудрый Гаврила находит в себе смелость отказаться от того, что ему кажется пустым и неправильным, он не намерен «на старости лет по-заморски лаять да перед людьми сраму набираться» [6, 75]. Он выносит любые оскорбления («эй», «ты», «ворона», «раб», «халдей»), но только не обращение к себе «француз». Заметим, что распространяющий французский язык Фома не любит народ, издевается над русским мальчиком Фалалеем и заявляет: «Я не хочу Фалалея, я ненавижу

Фалалея, я плюю на Фалалея, я раздавлю Фалалея, и, если б надо было выбирать, то я люблю скорее Асмодея, чем Фалалея!» [6, 154]. Имя героя выбрано не случайно, оно может рассматриваться с разных сторон. Семантика слова «фалалей» следующая. Это и ‘глупец’ (прост. устар. бран.), и ‘цветущая маслина’ (греч. Φαλελαίος; оливковое масло – елей – используется в христианских таинствах, цветущая маслина может рассматриваться как торжество веры православной), и имя сирийского преподобного. В повести нашла художественное отражение важнейшая концепция Ф. М. Достоевского: вместе с так называемым «просвещением» и любовью к иностранным языкам на Русь пришло и опасное раскрепощение. Писатель показывает читателям, что у русских есть свое понятие правильности и красоты, которое не следует уничтожать поклонением западным образцам.

Не отрицая значения разума, знаний для совершенствования человека, сентименталисты придавали **особое значение** чувству, **жизни сердца**, апеллируя к нравственным основам человеческого существа [см. об этом 9, 412]. Особое внимание уделялось «*воспитанию*» *сердца*. Заметим, что данные идеи не новы и являются светским изменением древнейшей исихастской практики. Прп. Григорий Синаит писал: «С утра, сидя на скамье вышиной в 3/4 фута, принудь ум из места начальствования, [или из головы], сойти в сердце и удержи его в нем» [13, 95]. Религиозные и даже нравственные рамки в сентиментализме порой были удалены, и жизнь сердца могла проявиться во взращивании грубых чувств. Об отрицательных гранях сентиментализма писал даже далекий от религии Н. А. Добролюбов. В статье «Когда же придет настоящий день» он отмечал: «...сентиментальность именно и характеризуется избытком чувств и слов при совершенном недостатке деятельной любви...» [5, 200].

Конечно, Ф. М. Достоевский чувствовал указанное выше искажение, поэтому в повести «Село Степанчиково и его обитатели» ханжа Фома – несостоявшийся представитель сентиментализма. Карамзина он считает «бессмертным» [6, 69]. Известно, что Опискин «занимался в Москве литературою» [6, 8]. Фома Фомич «сотворил когда-то в Москве *романчик*» «вроде различных “Освобождений Москвы”, “Атаманов бурь”, “Сыновой любви, или Русских в 1104-м году” и проч. и проч.» [6, 12]. Во-первых, жанр романа получил распространение во многом благодаря сентименталистам. Во-вторых, упомянутые названия – аллюзии на произведения сентиментализма (вспомним «Марфу Посадницу, или Покорение Новагорода» Н. М. Карамзина). Более того, Фоме нравится современная ему поэма «Переписчик» (эпистолярный элемент – маркер сентиментализма), потому что автор – «милый», «грациозный пустослов» [6, 70] (язык сентименталистов не раз подвергался нападкам А. С. Шишкова и его единомышленников за витиеватость). Фома Фомич отмечает, что и сам бы «творил» так же, «если б согласился писать в журналах» [6, 70]. Примечателен в отношении сентиментализма и посыл Опискина литераторам: «Пусть изобразят они мне мужика, но мужика *облагороженного*, так сказать, *селянина*, а не мужика. Пусть изобразят этого *сельского мудреца* в простоте своей, пожалуй, хоть даже в лаптях – я и на это согласен, – но *преисполненного добродетелями...*» [6, 68]. Такая формулировка напоминает идею о внесловной ценности личности и идиллию, к которым так часто обращались сентименталисты. Несостоявшийся писатель постоянно говорит об уме и сердце – важнейших категориях сентиментализма, искаженных сентименталистами. Фома Фомич приписывает себе «чистоту сердца» [6, 85], а также говорит: «Хорошее время не с неба падает, а мы его делаем; оно заключается в

сердце нашем, Егор Ильич» [6, 89]; «Давеча, например, я выказал ум, (...) знание сердца человеческого...»; «Души в них нет, сердца в них нет, сердца в них нет! А что и ученость без добродетели?»; «...но я помолюсь, и, может быть, Бог ниспошлет мир оскорбленному сердцу...» [6, 90]. Наконец, и надгробие Фомы отсылает нас к сентименталистской эстетике: «Фома Фомич лежит теперь в могиле, подле генеральши; над ним стоит драгоценный памятник из белого мрамора, *весь испещренный* плачевными цитатами и хвалебными надписями» [6, 165]. То есть мы наблюдаем не просто эпитафию, а обилие хвалебных надписей.

В повести часто встречается слово *ребенок*, преимущественно в связи с Егором Ильичом Ростаневым. «Душою он был чист как ребенок» [6, 13], нередко он отвечает, «покраснев, как ребенок» [6, 39, 134]. Мужик Гаврила говорит о нем Фоме: «...барин наш перед вами все одно, что малый ребенок...» [6, 75], Мизинчиков констатирует: «...настоящий ребенок!» [6, 129]. Мальчик Фалалей «чувствителен до крайности, добр и незлобив, как барашек, весел, как счастливый ребенок» [6, 60]. Ребенок как чистое, светлое существо часто воспринимается в русле руссоизма: сентименталисты полагали, что человек рождается совершенным, а уродует его цивилизация. Однако данная идея берет свое начало отнюдь не в сочинениях Ж.-Ж. Руссо. Г. С. Померанц обращал внимание на то, что в христианстве возникает «культ бога-младенца, то есть младенец становится зримым подобием незримой полноты истины» [12, 235]. В Евангелии видим: «Разве вы никогда не читали: “из уст младенцев и грудных детей ты устроил хвалу”»? (Мф. 21: 16); «Не знает младенец лжи», – писал прп. Иоанн Лествичник [11, 160]. И в повести «Село Степанчиково и его обитатели» Ф. М. Достоевский продолжает именно эту духовную традицию, а не линию сентиментализма. Примечательно,

что ханжа Фома заявляет: «Я не ребенок» [6, 68], тем самым убивая в себе божественное, евангельское начало.

Манера речи Егора Ильича Ростанева, на первый взгляд, очень сентиментальна, «слащава». Во-первых, она крайне патетична: «Это, брат, девица Перепелицына, превосходнейшая девица, горой стоит за маменьку! Редкая девица!» [6, 11], «Я, братец, сам виноват, во всем виноват! Вдвое надо быть деликатнее с человеком, которого одолжаешь... то есть... что я! Какое одолжаешь!.. опять соврал! Вовсе не одолжаешь; он меня, напротив, одолжает тем, что живет у меня, а не я его!» [6, 15], «Именно, именно! Именно так! Благороднейшая мысль! И даже стыдно, неблагородно было бы нам осуждать его! Именно!.. [6, 37] и др. Во-вторых, его слова зачастую слишком нежны: «друг мой» [6, 36, 37, 40, 81, 82, 127], «маменька» [6, 39, 54, 55, 57, 59], «душка» [6, 48], «брат», «братец» [6, 52, 57, 81], «Сашурка», «Илюшка» [6, 39]. Но только у сентименталистов такая поэтика использовалась, чтобы разбередить чувства читателя и была связана с экзальтацией. В повести Ф. М. Достоевского у данных художественных элементов иная суть. Такая манера обращения скорее вызвана спецификой христианского братства, желанием сделать нечто доброе, духовно сладкое для ближнего. Так разговаривал прп. Серафим Саровский. «Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие, он всем старался помочь, всех утешить...», «...ко всем ласково обращался “радость моя” или “сокровище мое”...» [14, 86]. Вообще, появление образа Егора Ильича Ростанева – важнейший шаг к воплощению «положительно прекрасного человека» в творчестве Ф. М. Достоевского.

Таким образом, элементы сентименталистской эстетики указывают на два противоположных уровня духовной составляющей героев.

Собственно сентиментальная тенденция описывает ситуацию внутренней несостоятельности и несамостоятельности поверхностного, неуглубленного протекания жизни, она словно имитирует то, что на самом деле отсутствует (чувство как манера поведения). С другой стороны, сентиментальные элементы выражают ситуацию внутреннего пробуждения, внешне связанную с традициями светской культуры, что обусловлено образом жизни и воспитанием героев. В этом случае данные элементы указывают на глубинный источник их чувств и переживаний. Часто в подобных случаях сентиментальность и формы ее проявления становятся способами воплощения живой духовной составляющей героев. Появление таких элементов сентименталистской эстетики в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», как бедность героини-девушки, особое отношение к французскому языку, придание особого значения чувству, жизни сердца, концепция чистоты ребенка, специфическая манера речи объясняется тем, что сентиментализм как система взглядов и творческая позиция писателя восходят к христианству. Некоторые из них (особое значение чувству, жизни сердца; соединение умственного и сердечного восприятия) имеют непосредственное отношение к исихазму. Данные элементы становятся у Ф. М. Достоевского стилистическим маркером нового духовного содержания. Христианское наследие трансформируется следующим образом: в текстах сентименталистов оно изменяется, становясь менее аскетичным и тяготеющим к светской реальности, в творчестве Ф. М. Достоевского – распространяется в его догматическом виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

2. *Белинский, В. Г.* Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 8. Статьи и рецензии 1843 – 1845 годов / В. Г. Белинский. – М. : АН СССР, 1955. – 728 с.
3. *Григорьев, А. А.* Литературная критика / А. А. Григорьев. – М. : Художественная литература, 1967. – 631 с.
4. *Гуковский, Г. А.* История русской литературы XVIII века / Г. А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 453 с.
5. *Добролюбов, Н. А.* Избранные литературно-критические статьи / Н. А. Добролюбов. – М. : Наука, 1970. – 616 с.
6. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 3. Село Степанчиково и его обитатели. Униженные и оскорбленные / Ф. М. Достоевский; гл. ред. В. Г. Базанов. – Л. : Наука, 1972. – 543 с.
7. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т 21. Дневник писателя. 1873. Статьи и заметки 1873 – 1878 / Ф. М. Достоевский; гл. ред. В. Г. Базанов. – Л. : Наука, 1980. – 551 с.
8. *Египетский Макарий, преподобный.* Духовные беседы / Преподобный Макарий Египетский. – Минск : Белорусская православная церковь, 2015. – 367 с.
9. *Жилякова, Э. М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844 – 1849) / Э. М. Жилякова. – Томск : ТГУ, 1989. – 272 с.
10. *Лебедев, Ю. В.* История русской литературы XIX в. В трех частях. Часть 1. 1800 – 1830-е годы / Ю. В. Лебедев. – М. : Просвещение, 2007. – 483 с.
11. *Лествичник Иоанн, преподобный.* Лествица / Преподобный Иоанн Лествичник. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2015. – 512 с.
12. *Померанц, Г. С.* Открытость бездне: Встречи с Достоевским / Г. С. Померанц. – М. : Советский писатель, 1990. – 384 с.
13. *Синаит Григорий, преподобный.* Творения / Преподобный Григорий Синаит. – М. : Новоспасский монастырь, 1999. – 159 с.
14. *Шапошникова, Н.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец / Н. Шапошникова. – М. : Даниловский благовестник, Комсомольская правда. – 176 с.